

УДК 94(=11.352.3)
ББК 63.521(=602)
Ш 16

НОВЫЕ КНИГИ, МОНОГРАФИИ, РЕЦЕНЗИИ NEW BOOKS, MONOGRAPHS, REVIEWS

Переосмысливая историческую память этноса² Reinterpreting historical memory of ethnos

В центре современной науки находятся некоторые дискуссионные проблемы, требующие своего осмысления и переосмысления в новой парадигме. Таковой является проблема исторической памяти, которая значима онтологически, гносеологически и аксиологически. В последние десятилетия социальная функция памяти актуализируется, и связана она с тем, что историческая память может оказать влияние на гражданскую солидарность и национальное единство современной России. Понимание этого феномена может повлиять на самоорганизацию сложной системы «российское общество», конструктивно направляя его, непонимание или манипуляция ею могут негативно сказаться на развитии общества. Поэтому столь важно теоретическое и практическое «направление» сложных процессов, связанных с исторической памятью.

Особенно активизируется исследовательский интерес к разным видам памяти. Обращает на себя внимание то, что во многих публикациях, по выражению американского историка А. Мегилла, «память становится коммеморацией». Но существует и другое понимание памяти, согласно которому память представляется как сложный механизм, являющийся источником формирования новых смыслов в пространстве традиций и инноваций.

В современной социально-гуманитарной науке наиболее цитируемыми авторами остаются М. Хальбвакс и П. Нора; дискуссионными вопросами - экспликация понятия «память», употребление выражений «долг памяти» (П. Нора) или «работа памяти» (П. Рикер) и т.д. Появляющиеся единичные исследования памяти в контексте постнеклассической науки (например, Дахин А.В.) позволяют прогнозировать социальные процессы.

Между тем, одним из неисследованных видов памяти все еще остается историческая память, в частности историческая память определенного российского этноса. В связи с этим важно отметить одно предваряющее методологическое положение. В рамках новой конструктивистской методологии представляется возможным в центр исследовательского внимания поставить сознание и поведение человека, его место и отношение к другим не просто как отдельного индивида, но и члена определенной социальной и этнической группы, представителя определенного общества, определенной социокультурной среды. Более того, данная методологическая стратегия направлена на поиск своей идентичности «кто я» или «кто мы» в определенном обществе в современное нестабильное время.

В контексте этих размышлений теоретический и практический интерес для социально-гуманитарного знания представляет рецензируемая монография известного российского историка, доктора исторических наук, профессора Адыгейского

² *Шеуджен Э.А.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.

государственного университета Э.А. Шеуджен. Она посвящена истории адыгов (черкесов), вписанной в историческую память. Работа нацелена на системное исследование состояния исторической памяти как коллективного опыта, сложившегося в процессе исторического развития адыгов и сохранившего значение для ныне живущих поколений.

Считаю необходимым отметить одно теоретическое положение, в контексте которого работает автор, – умелое соотнесение исследовательского опыта «изнутри» с взвешенным анализом и оценкой исследователей «извне», т.е. российских и зарубежных ученых. Это значимо, поскольку историческая память этноса имеет социокультурную размерность, и ее важно ощутить на ментальном уровне.

Свое исследование Э.А. Шеуджен начинает с экспликации понятия «историческая память». В наиболее обобщенном виде историческая память представляет определенным образом сфокусированное отношение в обществе к историческим событиям, потребность и способность хранить информацию о прошлом; она отражает уровень организации сохранения и воспроизведения прошлого опыта народа для его многократного введения в сферу общественного сознания и поведения. Понятие «историческая память», рассмотренное через призму истории адыгов, «ориентировано на его интерпретацию как способа накопления, сохранения, трансляции и усвоения прошлого, как коллективная память о социальном прошлом, на основе которой формируется национальное сознание, историческая общность людей, объединенных языком, традициями, территорией, историей, экономикой» (с.8).

В книге довольно четко обозначены «контуры пространства памяти», начиная с образов исторического прошлого на уровне устной традиции как базовой составляющей структуры исторической памяти адыгов (черкесов). Отсутствие письменных источников сменило формирование оригинальных источников, среди которых совершенно справедливо автор отводит важное место нартскому эпосу как «эпической модели истории», как специфическому способу хранения информации, важнейшему источнику коллективных исторических воспоминаний. Э.А. Шеуджен отмечает, что «далеко не все этносы обладают таким значительным памятником духовной культуры, как героический нартский эпос, бытующий у адыгов, абхазцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и отчасти у ингушей, чеченцев, дагестанцев» (с.13-14).

Автор показывает последовательную наполняемость смыслом эпоса, начиная с рождения и в процессе общественного развития адыгского народа. В результате чего «фактически эпос стал древнейшей «энциклопедией» знаний, неписанным сводом законов, сформировавшим кодекс поведения адыгов – адыгэ хабзэ» (с.30). Эпос, а также специфические черты, обусловленные особенностями природно-географической среды, общественного развития, ментальности составили основу исторической памяти адыгов.

Э.А. Шеуджен показывает, что исследуемое явление приобретает более устойчивый характер в связи с появлением «кавказского материала» у античных мыслителей. Анализируя развитие исторической памяти, «круговорот живой памяти», в котором устная традиция дополнялась письменной коммуникацией, раскрывая события прошлого адыгов в сознании людей другой культуры, автор подводит нас к выводу: «сам факт нахождения народов Северо-Западного Кавказа в «пограничье» античной цивилизации сыграл важную роль в «удревлении» исторической памяти. В историческом сознании возникло понимание того, что эти народы, находясь на периферии древнего мира, опосредованно вошли в историческую память многих народов» (с.54).

Пространство и время исторической памяти расширяются благодаря появлению многочисленных источников «извне», содержание которых, правда, разнится довольно

явственно (порой доходящих до взаимоисключения). Автор убедительно показывает, что, с одной стороны, благодаря средневековым арабским исследователям, русским и европейским мыслителям, побывавшим на Северо-Западном Кавказе, жизнь адыгов, их прошлое было текстуализировано в письменных источниках. С другой стороны, познание адыгами людей Запада и Востока в XVII-XVIII веках позволило им задуматься над смыслом своей этничности: что значит быть адыгом?

Процессы самопознания и самоидентификации, как справедливо отмечает автор, явно обозначились в это время; самосознание народа проявляется в коллективной памяти, в уважении и сохранении национальных традиций, в готовности к созиданию. Способом сохранения этнической идентификации выступала история.

Важным является та глава монографического исследования, где Э.А. Шеуджен раскрывает емко и тонко «знаковое событие», оказавшее влияние на историческую память адыгов, а точнее деформировавшее ее. Это Кавказская война XIX века. По словам автора, в памяти каждого народа есть события вневременные, память о которых сохраняется в веках и передается от одного поколения к другому. Кавказская война осталась в памяти народов Северного Кавказа как одно из наиболее сложных, переломных событий региональной истории. При этом автор отмечает, если память о выселении народов и даже война в Чечне входят составной частью в историю отдельных этносов, то проблема сопротивления, боевого духа горцев характерна для коллективной памяти всех северокавказских народов.

Представляются важными в научно-практическом отношении те главы монографии, где раскрываются проблемы трансформации исторической памяти «разделенных народов», перекрестки памяти («ломка», «революционизация» сознания, модификация исторической среды. Автор показывает осознание значимости письменной традиции у адыгов, взаимосвязь устной и письменной традиций, работающих по принципу дополнительности и открывающих новые грани понимания исторической памяти этноса. Между тем, Э.А. Шеуджен доказывает, что основные принципы непрерывности развития реализовывались достаточно противоречиво, и выявляет социальные и социокультурные «барьеры», препятствовавшие самоорганизации этнических общностей Северного Кавказа: насильственное выселение народов со своих исконных земель, замалчивание или искажение истории народов, искоренение традиционных обычаев, ограничение и сведение на нет преподавания на родном языке и т.д. Тем не менее, «несмотря на сложные исторические процессы, этническая идентификация народа устояла, сохраняя «генетический код» в структуре памяти.

Историческая память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти, в современной жизни оно приобретает новое содержание. Переосмысление прошлого в современных условиях позволяет автору выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

В поисках адекватных ответов на вызовы современности, связанных с будущей судьбой Северного Кавказа, Э.А. Шеуджен отводит важное место исторической памяти. Не сводя ее лишь к воспоминаниям, помня о том, что память «активна» и способна совершать отбор фактов и иерархически их располагать, она показывает преодоление крайностей, вызванных либо политической конъюнктурой, либо чрезмерной идеологизацией по отношению к памяти. Время сведения счетов друг с другом и со временем прошло. Другими словами, «управляя прошлым», необходимо вступить с ним в диалог, в новый диалог.

Нельзя не согласиться с автором в том, что логическое завершение книги связывается с необходимостью использования эвристических возможностей

исторической памяти в современной России. Подкупает и тональность повествования автора, ясность, прозрачность и недвусмысленность исторических сюжетов, которые преподносятся некоторыми «учеными» и «журналистами» с целью разжигания новых конфликтов на Северном Кавказе. Автор уверен, что слово ученого может оказать как созидательную, так и разрушительную роль. Поэтому Э.А. Шеуджен подчинила свою монографию важной проблеме – формированию гражданина-патриота, знающего историю своей страны и своей земли, понимающего, что каждый человек в ответе за судьбу нашего общего дома, именуемого Россией.

Завершая, отметим, автор понимает, что ряд поставленных вопросов не нашли полного освещения в силу объективных причин. Думается, что данное исследование открывает новые возможности для изучения исторической памяти, приглашает к освещению новых и развитию выдвинутых положений. Представляется, этому может способствовать междисциплинарное исследование исторической памяти в условиях современной социально-гуманитарной науки.

А.Ю. ШАДЖЕ
доктор философских наук,
профессор³

³ Шадже Асиет Юсуфовна, e-mail: Shadzhe@maykop.ru